

HALINA BRZOZA

Toruń

К ВОПРОСУ ПОЭТИЧЕСКОЙ ИНКОНТРОЛОГИИ ЛИРИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

И. БРОДСКОГО И В. КРИВУЛИНА
С З. ХЕРБЕРТОМ И А. БИСКУПСКИМ

"О, бедиый *Xomo sapiens!*
Существование - гнёт
Былые годы за пояс
Один такой заткнёт.

Что незнакомой мальвою
Вёл, как слепца, меня,
Чтоб я тебя вымаливал
У каждого плетня.

Пусть жизнью связи портятся
Пусть гордость ум вредит,
Но мы умрём со спёртствию
Тех розыков в груди ..." ¹
(Б. Пастернак: *Образец*)

Цитированные фрагменты стихотворения Б. Пастернака затрагивают интересную тему той гуманистической сферы ценностей, которая заложена в связи между субъектами, порождающей общение, диалог с обменом идей и универсальными принципами единения людей.

Учение Михаила Бахтина о диалогичности (явной и скрытой) художественной речи, опирающееся на исследование творчества Достоевского, раскрывает широкий круг вопросов, которые по сегодняшний день привлекают внимание не только литературоведов, но также лингвистов, философов и психологов. Некоторые из них касаются самых древних явлений быта и культуры человечества, предопределивших законы функционирования межчеловеческих отноше-

¹ Б. Пастернак, *Образец*, в сб.: Б. Пастернак, *Стихотворения и поэмы*, Москва-Ленинград 1965, с. 121.

ний, которые породили всеобщие системы культурыного поведения и эаконы творчества современного человека (гл. обр. европейца). Так, иапр., в настоящее время ключевые тезисы и выводы Бахтина нашли подтверждение в современных разработках вопросов языка и культуры европейскими и американскими учеными, такими как: К. Лэви-Стросс, П. Рикар, А. Элиаде, М. Эко и др. Так, бахтинские положения иасчет психоаналитического метода Фрейда² отразились м.пр. в научно-теоретическом учении Рикера, гл. обр., в *Эссе о Фрейде*³. Французский философ также, как и автор *Слова о романе и Фрейдизме ...*, подчеркивает, что для изучения внутренней речи, т.е. работы "неофициального сознания" личности (пациента), необходима другая личность психоаналитика, (врача).

Оказывается, что результаты наблюдений русского ученого не только над Фрейдовской интерпретацией сновидений, но и над эстетической функцией метафор, символов, аллегорических образных изречений в художественном творчестве (Достоевского и Рабле) перекликается с похожими истолкованиями мифов и библейских мотивов Рикером. Бахтин ведь часто указывал на многоаспектные и широкие масштабы интерпретации произведений литературы, в которых всё происходит внутренняя семантическая игра: символический диалог реплик, дискурс, скрывающий в своей синхронно проявляющейся структуре метаисторические философские обобщения⁴. Таким-то образом скрытый в материи художественной речи писателя "высший порядок" т.е. интертекст, невольно предъявляет в эстетической реальности произведения некую сверхреальность - как инвариант идеяного смысла, который синтезирует разные дискурсивные начала с целью проникновения субъекта высказывания в истинный смысл бытия. К этому смыслу традиция приурочила универсальную тему Тайны, как невыразимой, но угадываемой идеи, способной лишь отражаться в буквах и словах.

Об этом в стихотворении *Полденъ в комнате* высказался Бродский, поднимая тему прошлого:

"Вспять оглянувшийся: тень, затмив
профиль, чьё ремесло -
затвердевать, уточняет миф,
повторяя число
членов. Их - переход от слов

² См. В. Н. Волошинов, *Фрейдизм. Критический очерк*, Москва-Ленинград 1927 (главы: , И, ИИ, ИИИ, И).

³ P. Ricoeur, *De l'interprétation: Essai sur Freud*, Paris 1965.

⁴ P. Ricoeur, *Teoria interpretacji dyskurs i nadwyżka znaczenia*, [w:] P. Ricoeur, *Język. tekst, interpretacja. Wybór pism*, wyb. K. Rosner, Warszawa 1989, s. 180-182.

к цифрам не удивит.
Глаз переводит, моргнув, число в
несовершенный вид.

Воздух, в котором ни встать, ни сесть,
ни, тем более, лечь,
воспринимает 'четыре', 'шесть',
'восемь', лучше чем речь.

Взятая в цифрах вещь может дать
тамерланову тьму,
род астрономии. Что подстать
воздуху самому⁵.

Поэтическая идея в этом произведении - это своеобразный реквием, воспеваемый прошлому, будто погружающемуся во тьму забытой реальности. Ведь буквы, звуки и всякие конвенциональные знаки - в живой артикуляции или записи - как речевой материал считаются в разных (чаще всего - древних) культурах, в магических, и религиозных, якобы эхом или тенью неведомой трансцендентной ценности: божественной Правды.

Таким образом интертекст явится как средство передачи высшего духовного содержания аналогично композиционной модели Страстий или Апокалипсиса по Иоанну. Это Евангелие ведь поднимает тему Начала, Генезис, когда первым, предварительным актом сотворения мира являлось Слово, которое "всегда" было у Бога, с Богом и даже "самим Богом". В стихотворении Виктора Кривулина *На Патмосе - острове спал Иоанн* "вещий сон" богослова Иоанна показан как креативное начало и сам акт созидания:

"На Патмосе-острове спал Иоанн,
и камень лежит в изголовье,
и деревенеет затылок,
и камешек, падающий в океан
планетною движим любовью,
и снится, что видеть не в силах

Один человек из любимых овец,
единого чуда исчадье,
один - в сочетании со словом
- всей тяжести - горло и противовес ...
Ладони сноторной разжатье
наполнено шаром свинцовым.

⁵ И. Бродский, *Полдень в комнате*, в сб.: *Осенний крик ястреба. Стихотворения 1962-1989 годов*, Ленинград 1990, с. 83-84.

Где трещина солнца по морю ползла,
где пропасть меня рассекает,
где я прободён Откровением, –
при всей чистоте и неведеньи зла
греховности пена морская
в устах моих стала шипеньем”⁶.

История Истины здесь своеобразно поэтически конкретизируется в новозаветных христологических мотивах. Такие мотивы прямо и завершают ветхозаветную запись Святой Истории, которая – в свою очередь – представляет собой общеизвестный и ценный не только для христиан “сверхтекст”. Роль последнего особо значима и понятна как роль механизма, стимулирующего действия на сцене вечного общекультурного театра Памяти, где всё заново гибнут и воскресают пророки – мудрецы и мадонны, бесы и колдуны.

В том же общекультурном плане записи Святой Истории и объясняется глубокий смысл поэтического замысла З. Херберта – автора стихотворения *U wrót doliny*

Po deszczu gwiazd
na łace popiołów
zebrali się wszyscy pod strażą aniołów

z ocalałego wzgórza
można objąć okiem
całe beczące stado dwunogów

naprawdę jest ich niewielu
doliczając nawet tych którzy przyjdą
z kronik bajek i żywotów świętych

ale dość tych rozwazań
przenieśmy się wzrokiem
do gardła doliny
z którego dobywa się krzyk

po świeście eksplozji
po świeście ciszy
ten głos bije jak źródło żywej wody⁷.

Разные блуждающие образы и словесные мотивы-архетипы, как фрагменты будто забытого, но возрождающегося дискурса, состав-

⁶ В. Кривулин, *На Патмосе-острове спал Иоанн*, репринт рукописи.

⁷ Z. Herbert, *U wrót doliny*. [w:] Poezja naszego wieku. Antologia wierszy publ. po 1918 r., wyb. i oprac. W. Kaliński, wyd. II, Warszawa 1990, s. 375–377.

ляют основы одного из древних культурных кодов, который проявляется на разных уровнях мышления и существования личности славянина-европейца. Этот код, проявляясь на уровне внутренней речи художественного сообщения, порождает своеобразную "архи-идеологию" (по Бахтину), которая опосредованно указывает на экзистенциальную или - духовно-моральную функцию языковой коммуникации, установленную на трансценденцию то ли в магическом, то ли в религиозном аспекте. Смысл этой функции речи, зачастую поэтической, обращен на творческий аспект, т.е. на креативную мощь слова и образа как феномена, содержащего духовную ценность. В пределах такого дискурса, основанного на том же культурном коде, который учитывает христологический аспект "сверхтекста": евангельского продолжения записи Святой Истории, реализуется лирическое излияние Иуды Искариота в одноименном стихотворении Аяджея Бискупского:

Oni Ciebie by i tak pojiali.
 Niepotrzebny Ci byłem.
 Można to było urządzić daleko inaczej.
 Pojmać wszystkich. Nie pytać kto Syn.
 I niech potem ten kto świadczy zmartwychwstaje.

Oni Ciebie by i tak pojiali.
 Nie byłem Ci potrzebny. Wszyscy jesteśmy od Jahwe.

Po co zaraz krzyż, dół albo powróz.
 Wystarczyło poczekać abyśmy jak co dnia
 potrzebowali się spotkać.
 I niech by potem ten kto świadczy zmartwychwstał⁸.

Цитированный текст подтверждает суждение богословов, культурдов и психологов, что безмолвствие и единящее торжество магического или молитвенного слова как ценности, утраченная в крикливой форме речевой культуры XX века, способна на возрождение именно в лирике. Ведь именно в лирическом жанре художник слова естественным образом устанавливает в творческом процессе план взаимоотношений субъекта с другим субъектом. Реляция Я - Ты, т.е. личность - личность содержит начала, способные создать моральные ценности в противовес реляции субъект - объект (вещь, предмет). Сосуществование субъектов в творческом диалоге и взаимопонимании, как средство постижения сути человеческого бытия, относится к сфере этики и составляет предмет инконтрологии - как области философии человека. Поэтому именно слово и речь как приметы человека, личности, оказываются сугубо важным элементом созидания и

⁸ A. Biskupski, *Judasz Iszkariota (Skarga)*, [w:] *Piosenka o potrzebie*, Łódź 1991, s. 70.

творческого становления в диалоге между свободными и равноправными субъектами. При этом стоит напомнить, что ценность произносимого (или записанного) слова предопределяется глубиной духовности и эмоциональной насыщенности, т.е. масштабом его вескости, а также – длительностью самого процесса интеллектуального формирования высказывания. И наоборот: ценность речи и слова снижается при утрировке и манипулировании чужим и не усвоенным, искусственным средством сообщения. Замечает этот ущербный вид контакта при злоупотреблении словом Збигнев Херберт в стихотворении *Pan Cogito i dwijenie myсли*:

"Myśli chodzą po głowie
mówią wyrażenie potoczne

wyrażenie potoczne
przecenia ruch myśli

większość z nich
stoi nieruchomo
(...)
Czasem dochodzą
do rwałej rzeki cudzych myśli
stoją na brzegu
(...)
ze smutkiem
wspominają wyschłe źródła

kręcą się w kółko
w poszukiwaniu ziaren

nie chodzą
bo nie zajdą

nie chodzą
bo nie ma dokąd

siedzą na kamieniu
załamują ręce"⁹.

Данный фрагмент показывает естественное проникновение сознания поэта в ту сферу интеллектуального мира, где философия взаимопроникается с психологией в ситуации, когда в теоретические рассуждения вводится элемент оценки. Такое явление употребления поэтического слова в функции "трансцендентной" ("духовно-моральной"), выходящей из рамок лингвистического и психологического изучения

⁹ Z. Herbert, *Pan Cogito a ruch myśli*, op.cit., s. 393-394.

проблематики языковой коммуникации, порождает ряд интересных явлений на стыке философии языка с богословием¹⁰. В динамике речевого процесса сообщения можно в таких условиях найти также особые экспрессивные механизмы морального воздействия на адресата и его духовного возвышения через душевную разрядку и катарсис. Кстати, на аналогичную функцию речи и языка опирается тоже сама знаменательная идея соборности искусства и культуры как своеобразная форма единения людей¹¹; идея, которую в начале XX века поднял А. Блок и европейские символисты.

Итак, в произведениях разных поэтов взаимосвязь в драматическом диалогичном слове "официального" и "неофициального" сознания автора, как отметили Бахтин и Рикэр, раскрывает мир его культурного прошлого¹². Этот мир высшего порядка будто просвечивает через "реальное" настоящее многопланового художественного мира, порождая напряжённую эстетическую реальность лирического повествования, что заметно в стихе Херберта *Реконструкция поэта*:

"Kiedy leży / przebity włócznią
a usta jego rany / domykają się
nie widzi / ani morza / ani miasta / ani przyjaciela
widzi / tuż przy twarzy
tamaryszek"¹³.

Будто своеобразная реплика предстает перед нами и *Молитва Бискупского*:

"Ty który wiesz, jak i my wiemy,
jak się rozkłada naród do rozpacz -
przywrócić mu równowagę ducha-dusz.
I niech ich żałość zda się nadzieję potrzeby.
I by z żałości tej i krzywdy rozpaczliwej
spajało się co niemożliwe trwać inaczej
jak poprzez rozpacz: choć przeciw - rozpacz"¹⁴.

¹⁰ Ср. Н. Бонецкая, *Слово в теории языка* П. А. Флоренского, "Studia Slavica Hungaria", 1988, 34/1-4, с. 9-10. ее же: *Философия языка* П. А. Флоренского, "Studia Slavica Hungaria", 1986, Nr 32, с. 118-123 (Предисловие к публ. П. А. Флоренского *Философия языка*).

¹¹ Ср. С. Аверинцев, *Порядок космоса и порядок истории*, в кн.: *Поэтика ранневизантийской литературы*, Москва 1977, с. 84-104.

¹² Ср. K. Rosner, *Paul Ricoeur - filozoficzne źródła jego hermeutyki*, [w:] *Język ...*, op.cit., s. 28-29, 32-33; P. Ricoeur, *Symbolika zła*. Warszawa 1986, s. 328-337.

¹³ Ср. K. Dybciāk, *Ocalenie wartości w dziele Zbigniewa Herberta*; "Akcent", 1989, nr 2, s. 16-27; Z. Herbert, *Dramaty*. Warszawa 1970, s. 54.

¹⁴ A. Biskupski, *Modlitwa najkrótsza na rok nowy*, [w:] *Piosenka ...*, op.cit., s. 57.

Знаки похожего культурного прошлого художника слова находим в стихотворении Кривулина *Дар молитвы отобран*:

"Дар молитвы отобран.
 За лодкой святого Петра
 увязалась луна, и мертвя и дробима.
 Чешуй пахнут руки, что входят под рёбра,
 раздвигая на небе рентгеновский снимок
 звёздной клетки, полночного вдоха.
 Всплески весел - но в лодке
 сверкнёт, иездыхая, плотва.
 Рыбы лунная стружка - и нет рыболова.
 Снимок чуда, ночной и нечёткий;
 на засвеченной пленке, в беспамятистве слова,
 из молитвы уловленного по крохам.
 (...)
 Разве даром дано созерцание Духа?
 Только сосредоточась
 в межрёберной бездне, в мешке
 головасто-хвостатом зародыша-уха,
 слышу всплески шагов, бормотанье пророчеств ...
 Разве что исполнимо? Всплывает мелеющим брюхом
 исполинская рыбина-суша"¹⁵.

Таким образом построенный художественный текст способен - именно через эмоциональный террор или катарсис - воздействовать на адресата так, как заклинание мага или другие формы завораживания партнёра, напр., в оккультной практике или же - подражать влиянию на личность молитвы и литургии. С такой ведь функцией связано достижение душевной равнодки и восприятие мировоззренческих, религиозных ценностей.

Рассматриваемые здесь произведения четырех поэтов исполнены богатого психологического, социального и филосовского содержания, которое отражают - сквозь явления речи и речевой культуры - внутреннюю морально-этическую и идеологическую или мировоззренческую борьбу личности. Именно эта борьба, которая проявляется через явную и скрытую полисемию лирического повествования-излияния, выражает диалог равных понятий и семантических начал¹⁷. Поэтому, на что указывал М. Джоунс, в художественном тексте этого типа

¹⁵ В. Кривулин, *Дар молитвы отобран*, репринт рукописи.

¹⁶ Ср. П. Флоренский, *Магичность слова*, "Studia Slavica Hungaria", 1988, op.cit., с. 25-30; ср. тоже Л. Лосев, *Чеховский лиризм у Бродского*, в сб.: *Поэтика Бродского* (под ред. Л. В. Лосева), Tenafly (USA) 1986, ц. 188-195.

¹⁷ Ср. В. Полухина, *Грамматика метафоры и художественный смысл*, там же, с. 63-69; ср. тоже: Е. Фарино, *Роль текста в литературном произведении*, "Studia Russica", Budapest 1987, с. 118-132.

как правило противоборствуют разнонаправленные мировоззренческие тенденции, которые тяготеют - то ли к христианской, то ли - к мирской интерпретации текста произведения¹⁸.

Но независимо от той или иной мировоззренческой перспективы, предопределяющей способ прочтения стиха в диахроническом порядке изложения целостности всего художественного высказывания, можно наблюдать такое скрытое движение мысли, которое "невольно" внушиает адресату доминирующий общий смысл, связывающийся с проблематикой человеческого общения в духе гуманистического экологизма. При этом само явление общения, контакта личностей - в понимании Левинаса - предстает здесь в форме экстериоризованного диалога: растянутого в пространстве и времени творческого обмена духовными ценностями; обмена, порождающего всё новые элементы мировой иоосферы. Так понимаемое общение составляет всеобщую "раскрывающую систему", установленную на раскрытие внутренней естественной потребности личности любить, давать себя другим и взамен получать добро: доброе слово. И такие стремления к любви, к добру - к божественной Правде, дают надежду на единение людей в ореоле восхождения, развития, роста. Ведь, по определению Владимира Седляка, человеческая личность как стремительный "Homo Elektronikus" нуждается в непрерывном развитии и возвышении - через акты одолевания зла. Эти условия личности запечатляются как правило в мировой истории культуры в форме драмы речи и языка. т.е. в форме вечной борьбы всё падающего и заново возрождающегося слова¹⁹.

На эту великую роль именно слова и речи (как носителя начал инконтрологии) указывают - каждый по-своему - два разных современных поэта Бродский и Бискупский:

Бродский: "Жива, мертвa ли -
но каждой божьей твари
как знак родства
дарован голос для
общенья, пенья
продления мгновенья
минуты, дня"

(Бабочка)²⁰

¹⁸ M. Jones, "The Brothers Karamazov" as Special Type of Fallen Discourse, [in]: *Programme, Resumés VII International Symposium des études dostoevskienas*, Ljubljana 22-29. VII. 1989, p. 42-43.

¹⁹ Ср. М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической деятельности*, в кн.: *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 176-180.

²⁰ И. Бродский, *Бабочка*, в : сб.: *Оценний крик ...*, оп.цит., ц. 49.

и Бискупский: "Musisz być przygotowany,
 że twój głos wewnętrzny okaże się
 radosnym piskiem myszy wyrzuconej z labiryntu.
 Przypadek sprawi, że na dnie twojego oka
 znów zabłyśnie ów jedyny ciemny punkt
 świecący - wolna wola ...
 - Nasza nadzieja: nasze nieustanne
 lękanie się o zajście zdarzeń
 najmniej prawdopodobnych
 (Nasza nadzieja) ²¹.

"-język konieczny gdy pamięć przerasta
 i gdy jak pamięć mieści się w sobie ..." ²²
 (Przed wschodem słowa)

В итоге данных размышлений на тему одной поэтической идеи, которая естественным образом превращается в философскую предпосылку, - стоит подчеркнуть сугубо важную и вечную ценность, на всегда вписанную в дарование и труд ноэта: ценность творческого диалога художников как залог потенциальной возможности взаимопонимания и единения людей.

J. BRODSK'S AND V. KRIVULIN'S LIRICAL DIALOGUE WITH Z. HERBERT AND A. BISKUPSKI

SUMMARY

The great interest of philologists may be evoked by the theme of the spiritual-moral (transcendental) function of word and speech, language. It determines the philosophical-psychological and religious-cultural dimension of the poetry, for example - Brodsky's, Krivulin's, Herbert's and Biskupski's poems. The creative-cat-hartic role of word both magical dimensions and in the sphere of Christian spirituality makes the anthropological content of the poetry deeper especially within the content of references to Bakhtin's theses of "another word" and "polyphonism" of their genre form.

The peripheral, "dark" sides of man's psyche in such a research perspective obtain a symmetric "positive" system of references which establishes "a universal text": the Bible and symbols and "eternal" images received by a European in the cultural heritage - independently of his will.

This poetic dialogue is fully justified when he offers an idea of co-creation of the modern intellectual culture.

²¹ A. Biskupski, *Nasza nadzieja*, [w:] *Wspólnota*, Łódź 1976, s. 60-61.

²² A. Biskupski, *Przed wschodem słowa*, [w:] *Mój głos zewnętrzny*, Łódź 1970, s. 53, 54.